
УДК: 321.1: 17.023.36
JEL: A19; B25; B52; N95; N97

Виктор Тарасевич

ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Рассмотрено взаимодействие власти-собственности и государства в эпоху первых цивилизаций. Внимание акцентировано на родовых качественных характеристиках государства вообще и специфике восточного государства, а также на содержании и этапах коэволюционной поступательной цикличности власти-собственности и государства. Показано, что государственная собственность является ключевой формой объективного властно-собственнического присвоения, которая в основном подчинена диалектике содержания и формы.

Ключевые слова: власть-собственность, государство, формы властно-собственнического присвоения, конфедерация, федерация, деспотия, протоинституты, собственно институты.

Если в ранее опубликованных в журнале материалах об общественной и институциональной эволюции внимание акцентировалось на её догосударственных этапах, то в настоящей статье речь идёт о возникновении и родовых качественных характеристиках государства, особенностях его восточного типа, коэволюционном взаимодействии власти-собственности и государства.

Государство: причины возникновения и качественные признаки

Момент рождения государства трудноуловим в силу не только причин *онтологических* – неизбежной сокрытости прошлого для современных исследователей, но и *гносеологической контекстуальности*: в разных контекстах сущность государства, его признаки, причины возникновения и другие характеристики "играют новыми гранями". Таким образом, вместе с обогащением образа государства усложняется его определённость.

В самом деле. Будучи, к примеру, помещённым в социально-классовое "пространство", государство предстаёт как "орудие эксплуатации угнетённого класса" (*Ленин*, 1974. С. 12), частная собственность бюрократии (*Маркс, Энгельс*, 1955. С. 272); для теоретиков права предпоч-

Тарасевич Виктор Николаевич (viktarsevich@gmail.com) (ORCID iD - 0000-0002-6997-0166), д-р экон. наук; Национальная металлургическая академия Украины (Днепр).

© В.Тарасевич, 2018

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2018. № 1: 21–44

21

тительна трактовка государства как воплощения права в обществе (*Родлов* (ред.), 1911. С. 64), для политологов – как основной политической организации общества, осуществляющей управление им, охрану его экономической и социальной структуры (*Ожегов, Шведова*, 1991. С. 145); приверженцы институционализма видят в государстве прежде всего совокупность и/или систему формальных институтов и соответствующих механизмов инфорсmenta. Философы и историки чаще акцентируют внимание на нескольких взаимосвязанных содержательных характеристиках государства: политических, социальных, институциональных, управленческих (*Философский энциклопедический словарь*, 1989. С. 131). Разумеется, философы, экономисты, правоведы, политологи, социологи и историки в исследованиях государства не ограничиваются каким-либо одним контекстом. Напротив. Поэтому проблема *сопряжения* разных контекстуальных характеристик государства в едином "тексте" является не только меж-, но и внутридисциплинарной. Не является исключением и фундаментальная экономическая наука. Формируемый ею образ государства во многом зависит от избранного контекста, так сказать, ракурса рассмотрения соответствующей многогранной реальности, а также степени совершенства и соответствия интеграционных подходов, призванных обеспечивать получение и приращение упомянутого единого "текста".

Контекст настоящего исследования предполагает выявление некоторых "*родовых*" характеристик государства, которые становятся "уловимыми" отчасти в его "утробном" состоянии, отчасти – в процессе мучительного рождения, отчасти – в "детские" годы, то есть как раз в тот период, когда изначальная синкретическая универсумность цунобров активно трансформируется в весьма сложную систему относительно обособленных элементов и процессов. Безусловно, государство как один из таких элементов является образованием универсумным и общественным. Но правомерно ли на этом основании отождествлять государство и цунобр, государство и общество?

Как известно, в философии и науке *не принято* ставить знак равенства между государством и цивилизацией: обычно государство помещают в ряду ключевых признаков, отличающих цивилизацию от дикости и варварства. В отношении отождествления *государства и общества* ситуация не столь однозначна. Для нас важны два аспекта такого отождествления. *Во-первых*, есть мнение, что в условиях крайней восточной деспотии общество "растворяется" во всемогущем государстве (*Васильев*, 1998. С. 118) и таким образом становится неотличимым от него. Однако, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается мнимый характер такого тождества. Крайняя деспотия относительно недолговечна, и за её пределами различие государства и общества столь зримо, что требует объяснений. Да и ассимиляция деспотическим государством восточного общества не снимает, а обостряет, актуализирует вопрос о существовании столь могущественного Левиафана.

Во-вторых, начиная с Аристотеля, и вплоть до начала XIX века, понятия "государство" и "гражданское общество" воспринимались, толковались и использовались в неразрывном единстве. Так, в трудах Т. Гоббса,

Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо акцентируется их взаимосвязь, сходство, а не различие (Мартыненко, 2011. С. 20–25). Гегель, с одной стороны, признает правомерность отождествления понятий "государство" и "гражданское общество", но только в том случае, если под государством понимается единство лиц как простой общности, а не "субстанциального единства", сравнимого с органическим телом. С другой стороны, по Гегелю, гражданское общество отличается от сущности государства как высшей идеи тем, что в этом обществе ещё не сложилось внутреннее органическое единство, оно ещё раздирается противоположными интересами частных лиц и социальных групп. В изданных после смерти Гегеля конспектах его лекций гражданское общество определяется как "дифференциация", выступающая между семьей и государством, причём развитие гражданского общества начинается только после появления государства (Мартыненко, 2011. С. 25–26). В современных исследованиях, как правило, акцентируются различия государства и гражданского общества. Например, последнее определяется как форма горизонтальной интеграции человеческого сообщества, внесударственная сфера жизнедеятельности социума, сфера всеобщей взаимозависимости и т.д. Но практически все авторы следуют заданному в Новое время стандарту "европоцентризма" – гражданское общество получает исключительно западноевропейскую "прописку". Публикации о гражданском обществе на Древнем Востоке являются чуть ли не исключением из правил (Борзунов, 2001. С. 102–109).

Тематика настоящего исследования "подсказывает" следующую линию отнюдь не сложных рассуждений. Если принять во внимание "вездесущность" государства, то есть его историческое присутствие и на Западе, и на Востоке, а также признаваемую практически всеми исследователями взаимообусловленность государства и гражданского общества, то, по меньшей мере, нелогично отказывать в праве на существование восточному гражданскому обществу. Если на определённом этапе эволюции какого-либо восточного унобра его избранные историей представители образуют государство и таким образом становятся гражданами, то вследствие этого их жизнедеятельность отнюдь не исчерпывается государственными обязанностями и правами и не ограничивается рамками государства, даже если оно суть деспотический монстр. *Адекватной сферой негосударственной жизнедеятельности граждан государства является гражданское общество.* Оно представляет лишь часть общественного организма цивилизации, в котором взаимодействуют, в частности, граждане и не граждане. В данном случае речь идёт не о формальном статусе, а о степени реальной вовлечённости в государственные дела. Как это ни покажется парадоксальным, но большая степень такой вовлечённости может катализировать большую развитость внесударственной общественной гражданственности. Разумеется, эта зависимость не безусловна и может по-разному проявляться в унобрах с разными формами государственного правления и устройства, а также политическими режимами. Безусловна лишь историческая неразлучность государства и гражданского общества.

Представленные соображения о различиях общества, гражданского общества и государства являются пропедевтическими в том смысле, что

очерчивают некую область поисков достоверности государства самому себе. Однако сокрытой остаётся содержательная определённая государственности. Конечно, в известном смысле она задана избранным исследовательским контекстом – нужно изучать не государство вообще, а именно восточное государство и именно в "грудном" и "детском" возрасте с учётом предшествующей универсальной эволюции, обращая внимание на детерминированность его качественных признаков причинами его же рождения. Но эта заданность не производит впечатление навигатора, облегчающего выход из лабиринта.

В ряду обычно называемых причин возникновения государства – искусственная концентрация населения и/или его резкий рост; завоевание или военное объединение территорий; ослабление или дискредитация власти в условиях сложных задач; решительное несоответствие старых способов управления новым важным задачам; гражданское противостояние; разного рода кризисы (Гринин, 2002. С. 31) – трудно найти явные изъяны, поскольку каждая из причин подтверждена историческим опытом. Правда, указанный ряд не может быть признан исчерпывающим не только в смысле отсутствия в нём иных специфических причин, например, необходимости подчинения социальных низов аристократическим верхам. Всякое особое и специфическое есть своеобразная эманация некоего общего и субстанционального. Нетрудно убедиться, что таковыми для перечисленных специфических причин являются экспансия и усложнение социально-политической, экономической и институциональной деятельности, а также универсальных образований доцивилизационного уровня. Указание на цивилизационный уровень унобров принципиально важно, так как акцентирует необходимость фундаментализации и конкретизации анализа причин рождения и признаков древневосточного государства, ибо вышеперечисленные, в известном смысле, могут объяснить возникновение не только государства, но и властной группы племени или племенного союза (ПС).

Демографическое расширение ПС, ведущий этнос которого находится в восходящей фазе своего жизненного цикла, неизбежно сопровождается территориальной экспансией за пределы привычного месторазвития и столкновением с этнически и духовно чужими ПС, вождествами и племенами. Жизненно императивное объединение, добровольное и/или принудительное, в единое образование (условно говоря, в союз ПС и племен (СПСП)) десятков тысяч людей, большинство которых принадлежит к этнически неродственным ПС и племенам, освоение новых громадных территорий (даже по меркам развитого ПС) с разнообразными, в том числе, непривычными природными условиями, а, следовательно, и способами добывания средств существования, не могло быть обеспечено исключительно стандартными институтами ПС.

Итак, доминирование этнической неоднородности при ведущей роли пассионарного "коренного" этноса, несоизмеримые с обычным ПС демографический состав, а также масштабы и разнообразие колонизируемых территорий являются этнодемографическими причинами возникновения и признаками государственного универсального образования. В связи с этим

принципиально важны, *во-первых*, государствообразующая роль повышенной пассионарности ведущего этноса, ибо именно его активность во многом обеспечивает становление и укрепление адекватной восточному государству *суперэтнической* системы, и, *во-вторых*, сопряжённое усложнение, с одной стороны, *территориального* ("горизонтального") строения государственного образования¹, а с другой – "вертикальной" *иерархии*, в которой выделяются центральный, региональный и местный уровни.

В ответ на столь масштабные "внешние" вызовы и в силу логики эволюции и самоорганизации унобров соответствующим образом усложняется человеческая деятельность – политическая, социальная, духовная, институциональная, экономическая. *Политическое* упорядочивание новой крупной и преимущественно разнородной государствообразующей общности как единого целого, тотальности, является делом во сто крат более сложным, чем подобное упорядочивание ПС, а потому предполагает поиск и закрепление соответствующих подвидов и элементов политической деятельности. Какие из них наиболее характерны для раннего *древневосточного государства*? *Во-первых*, *редистрибуция* ключевых политических, социальных, институциональных, экономических "полномочий" – функций и обеспечивающих их выполнение механизмов: их концентрация на высшем уровне иерархии, расположенном, как правило, в городских поселениях как средоточиях искусственного опредмечивания, с последующим распределением. В последнем, *во-вторых*, следует различать, по крайней мере, два потока. *Первый* связан с невиданной в ПС *специализацией и профессионализацией* верхнего уровня властной иерархии, степень сложности которого призвана быть соразмерной степени сложности цунобра. Об этом, в частности, свидетельствует появление многочисленных "ведомств" – военного, полицейского, фискального, казначейского, хозяйственного, судебного и др., а также соответствующих должностных лиц (чиновников), которым делегировались вполне определённые полномочия. *Второй* поток предполагает *передачу на региональный и местный уровень* ряда определяемых центром полномочий. Процедуры их определения и передачи могут быть принудительными (их роль заметно возрастает), согласительными, смешанными, но в любом случае закрепляют жёсткий *контроль* центра и регулярную *отчётность* перед центром. Контрольные функции *отделяются* от исполнительских.

В-третьих, с целью ослабления потенциала центробежности и повышения эффективности управления региональным и местным уровнем цунобра центр инициирует переход от "естественного", родового принципа деления цунобра к "искусственному" (Гринин, 2002. С. 15), *административно-территориальному*. Как правило, степень доминирования последнего над первым пропорциональна степени государственной централизации восточных цунобров. *В-четвертых*, повышению управленческой роли центра служит и *монополизация насилия*, принуждения и наказания. Соответ-

¹ Здесь и далее будем исходить из того, что *государство* является неотъемлемым атрибутом *цунобра*. Последнему предшествует *государствообразующий унобр (общность)*, который (ая) становится цунобром в момент рождения государства. В границах цунобра могут сосуществовать и взаимодействовать несколько *государственных образований*.

ственно неотъемлемыми атрибутами государства становятся армия, в том числе, её профессиональная составляющая, полицейские силы, суды и т.п. *В-пятых*, активное *законотворчество* и предпринимаемые попытки кодификации обычного права и систематизации законов диктуются не только стремлением к легитимации насилия, но и объединительными процессами: централизованное право и закон были призваны стать дополнительными *политическими скрепами* разнородного и аморфного цунобра.

Деятельность государства является *собственно политической* в той мере и постольку, поскольку оно представляет, выражает и защищает интересы не какой-либо социальной группы, сословия, а государственного образования, цунобра в целом. Речь идёт об общественных интересах двух родов: 1) *общих* для всех образующих цунобр граждан и не граждан, социальных групп и слоев; 2) *синергетических*, которые выступают результатом взаимодействия интересов индивидуальных, групповых, сословных и общих. Совершенно очевидно, что такая собственно политическая деятельность отнюдь не была "альфой и омегой" древневосточного государства. Оно унаследовало от ВГ ПС весьма значительный *социальный* активизм. О чем идёт речь? Восприняв арсенал социального упорядочивания ПС, государство решительно "продвинулось", по крайней мере, в трёх направлениях: 1) законодательное *закрепление* социального *неравенства*, в том числе, особого статуса и привилегий родовой аристократии, а также граждан; 2) определение социального *положения*, прав и обязанностей *утвержденных* и *назначенцев*; 3) легитимация и применение механизмов *насилия* по отношению не только к чужим и не гражданам, но и к *своим*. Хотя насилие по отношению к своим было более лояльным, избирательным, в ряде случаев предполагало согласительные процедуры, Рубикон был перейдён. В *социально-политической* деятельности государства, направленной на сочетание общественных, групповых и индивидуальных интересов, стратегический приоритет был закреплён за интересами аристократическими и корпоративными групповыми, а также индивидуальными интересами правителя.

Такому закреплению подчиняются и усилия государства в *духовной* сфере. Не без его активного влияния, в том числе на формирующуюся с его участием жреческую "вертикаль", *сакрализация правителя (государя)* достигает апогея: он провозглашается либо сыном главного Бога, либо самим Божеством², которое венчает иерархию центральных, региональных и местных божков и духов. Для социальных низов дело представляется таким образом, что подобие иерархии светской власти иерархии богов освящено самими богами как небесными начальниками. Конечно, нельзя игнорировать и объединительную, скрепляющую роль подобных религиозных реформ, как и проектов продвижения *государственного* языка и "титულიной" письменности. В обязательном порядке таковыми должны были владеть родовая знать и чиновники всех рангов. Обучение последних, а также воспитание родовитых отпрысков осуществлялось и контролировалось на высшем государственном уровне, что, несомненно, способствовало формированию "*элитарной*" культуры, отвечающей "элитарным" стандартам жизни в широком смысле.

² Соответствующим образом изменяются некоторые ритуалы, титулатура, церемониал и т.п. (Гринин, 2002. С. 54).

В условиях протоинституционального усложнения и умножения разнообразия государствообразующего унобра, очередного исторического нарушения баланса между более разнообразными природными стандартами и новыми технологическими паттернами, с одной стороны, и наличными общественными институтами – с другой, потребовались соответствующие сдвиги в *институциональной деятельности*. Прежде всего речь идёт о формировании *иерархии* политических, социальных, экономических *институтов*, своеобразной моделью которой явилась иерархия богов³, а также оформлении внешних *институциональных границ* государственного образования или цунобра. Это было бы невозможно без *опережающего творения* соответствующих макро (центральных), мезо (региональных) и микро (местных) *собственно институтов*, активной трансформации протоинститутов, прежде всего, мезо и микро. В силу столь масштабного институционального творчества и вовлечения в него руководства всех уровней властной иерархии сам процесс создания собственно институтов и трансформации протоинститутов рано или поздно должен был быть упорядочен, институционализирован. Вместе с утверждением *собственно институтов создания и трансформации институтов* (например, порядка и процедур законодательства) указанное доминирование собственно институциональной деятельности в системе институциональной жизнедеятельности и собственно институтов над протоинститутами становится перманентным, а её ключевым субъектом становится *государство*.

Обладая столь мощным неэкономическим потенциалом, государство не могло оставаться безучастным к *экономическим* причинам своего рождения и их последствиям. Будучи вызванным к жизни, в том числе ростом масштабов усложнённой простой кооперации, развитием усложнённой кооперации усложнённых простых, простых и простейших деятельностно-кооперативных образований в строительстве и эксплуатации ирригационных сооружений, земледелии, скотоводстве, ремесле, государство стало *крупнейшим "хозяйственником" и управленцем*. Речь идёт не только о дворцовом хозяйстве, доходы от которого стали сопоставимы с объёмами взимаемой ренты-налога, храмовом хозяйстве, но и обо всей "общинной экономике", военном деле, торговле. Государство стало достойным "преемником" ВГ ПС в *изъятии и централизации* львиной доли избыточного продукта и части необходимого продукта, прежде всего в форме ренты-налога с общинников, ремесленников, торговцев, а также дани с населения покорённых земель. Разумеется, всё это было бы невозможно, если бы государство не стало абсолютно доминирующим *субъектом власти-собственности*. Этот пункт требует специального рассмотрения, ибо диада, "связка" "власть-собственность – государство" (ВС-Г) является центром кристаллизации и эволюции первых восточных цивилизаций.

С одной стороны, с учётом результатов современных исследований стейтогенеза, в рассмотренных выше *специфических* качественных характеристиках *древневосточного* государства нетрудно выделить некоторые черты, которые являются *общими* для всех государств. 1. Очевид-

³ Впрочем, появление последней во многом обязано именно сознательной институциональной деятельности.

но, что государство – продукт универсумной эволюции, а потому – носитель её генов, мемов и унов. 2. В связи с этим государство в *широком смысле* может быть представлено как либо *особым образом организованное общество*, либо гражданское общество.

3. В разных исследовательских контекстах и акцентах могут доминировать разные *узкие смыслы* государства. Так, в политико-социально-экономическом отношении государство – это *особая организация*, представляющая общество в целом, его потребности и интересы, в том числе, экономические, обеспечивающая согласование интересов разных социальных слоев (групп) и/или экономических субъектов, а также защищающая интересы, прежде всего наиболее влиятельного социального слоя (группы) и/или экономического субъекта. С институциональных позиций государство является *системой собственно институтов*, призванных упорядочивать жизнедеятельность общества и его разных составляющих, а также формирование самих собственно институтов. В иных контекстах или ракурсах государство может трактоваться как *особый орган* власти и насилия; совокупность профессиональных политиков и управленцев, представляющих общество и его основные социальные слои (группы); основное политическое *образование* страны и т.д.

С другой стороны, в современной литературе доминирует взгляд на властно-собственнические отношения как имманентные восточным и ранне-средневековым европейским обществам и государствам, то есть как *специфические*, особые, а не общие для всех государств. Но тогда эманацией какого общего является это специфическое? Очевидно, поиск соотношения общего и особенного в диаде ВС-Г целесообразно продолжать, имея ввиду их дифференцированность, составность, а не синкретичность⁴. В частности, не лишено смысла следующее *предположение*: если зачатие и рождение государства происходит в условиях господства власти-собственности, то вполне вероятно изначальная трансляция и закрепление в унотипе государства некоторых унов, качеств власти-собственности. Иными словами, власть-собственность сообщает государству не только специфические восточные, но и *общие качества*, те инварианты, которые имманентны любому государству, независимо от места и времени его существования.

О поступательной цикличности государственной власти-собственности

В становлении крупного государствообразующего унобра – СПСП, как непосредственного результата движения рассмотренных ранее противоречий (Тарасевич, 2013. С. 239–296)⁵, как правило, ведущую роль

⁴ Подобно власти-собственности, государство, как интегративное образование, может быть адекватно понято только в результате исследований его разных составляющих и исторических форм.

⁵ С одной стороны, бóльшая острота указанных противоречий в одних ПС-ах способствовала их завоеванию другими – с меньшей остротой противоречий. С другой стороны, эти противоречия получают в СПСП новые "неосвоенные" пространства и шансы для смягчения. Впрочем, некоторые эндогенные причины и факторы поступательной цикличности госунобров будут рассмотрены в последующих параграфах. Здесь внимание акцентируется на *описании* тренда указанной поступа-

играют наиболее мощные, *государствоформирующие* ПС-ы (ГФПС)⁶, возглавляемые пассионарными вождями, обладающими соответствующими выдающимися личными качествами – СЧСоч. В процессе достаточно длительного объединительного периода, сочетающего военные и мирные центробежные "инструменты", достаточно определёнными становятся очертания верхнего (центрального), регионального и местного уровней госцунобра. Центр представлен властной государственной группой (ВГосГр), которая, как правило, включает вождей ГФПС-ов, их родовые кланы, некоторых вождей ведомых (захваченных) ПС-ов, высших жрецов, а также наиболее важных неродовитых назначенцев⁷. Во главе регионов утверждаются вожди ГФПС-ов, в подчинении которых находятся вожди ведомых ПС-ов, а также назначенцы. На местах руководящие функции выполняют главы племенных общинно-клановых групп⁸.

В условиях формирования и укрепления госцунобра неизбежно изменяются все компоненты сети власти-собственности, а следовательно, трансформируется и характерная для зрелого самостоятельного ПС ПЛКлКр форма власти-собственности, ведущими субъектами (актерами) которой являются вождь и властная группа ПС. Предпринимавшиеся вождями и властными группами ГФПС-ов (ВГ ГФПС) попытки распространения этой привычной формы на новые, захваченные объекты, могли быть удачными лишь отчасти, к тому же – в коротком периоде. Взять, к примеру, насильственный захват земель и избыточного продукта ряда ведомых ПС-ов. **С одной стороны**, вожди и ВГ ГФПС-ов действуют способом, апробированном при прошлых захватах чужих племен. *Большая часть захваченных земель и избыточного продукта поступает в полное распоряжение вождей ГФПС-ов*⁹. Львиная доля этой части пополняет дворцовые хозяйства вождей ГФПС-ов с возможной передачей части этой доли родственникам и некоторым неродовитым назначенцам во владение и управление. Меньшая часть указанной большей части земель может направляться в прямое владение и управление членам РК ВГ ГФПС-ов, а также наиболее умелым и преданным назначенцам. Ясно, что избыточный продукт с таким образом распределённой большей части земель присваивается вождями ГФПС-ов и наиболее приближенными к ним членами ВГосГр.

тельной цикличности и её некоторых очевидных детерминантах, т.е. *переходных*, а не стационарных процессов.

⁶ Разумеется, наряду с ГФПС-ами в состав СПСП входят и относительно пассивные, ведомые ПС-ы и племена, которым отводится роль не столько субъектов, сколько *объектов* формирования государственных цивилизационных универсумных образований (*госцунобров*).

⁷ Напомним, что здесь внимание акцентируется на светской ветви властной иерархии.

⁸ Разумеется, разным эпохам эволюции госцунобра отвечает особый состав и функции властно-государственной "вертикали".

⁹ Механизмы и процедуры распределения, "дележа" совместно захваченных земель между вождями и ВГ-ми ГФПС-ов требуют специальных исследований. Здесь принимается во внимание практически неоспоримый факт прямой зависимости объёма присваиваемых захваченных земель от *личных* качеств вождей ГФПС-ов. Как уже отмечалось, в соответствии с традицией меритократии львиная доля захваченного присваивалась наиболее способным и удачливым "захватчиком".

Меньшая часть земель и избыточного продукта покорённых ПС-ов, конечно, может быть оставлена в распоряжении их вождей и ВГ. Однако более вероятен иной вариант. Если вождь и его РК не уничтожаются, то в лучшем случае они становятся утверждёнными, не теряющими часть привилегий, а в худшем – разделяют судьбу неродовитых назначенцев.

С другой стороны, уже в среднесрочном периоде поддержание жёсткой иерархии между ВГосГр-ой и захваченными ПС-ми, в силу их удалённости от центра, разнородности, специфики природных условий, земледелия и скотоводства, т.е. природных стандартов и технологических паттернов, потребовало, *во-первых*, значительного увеличения количества неродовитых назначенцев и, *во-вторых*, особых личных, в данном случае – хозяйственных, способностей членов ВГосГр и назначенцев. Следовательно, в ПЛКлКр присвоении возрастает роль *корпоративной* и *личной* составляющих.

В рассматриваемый начальный период становления госцунобров между вождями и ВГ-ми ГФПС-ов доминируют *гетерархические* связи. Для налаживания центростремительной *синархичности* последних посредством, прежде всего согласительных механизмов и процедур между членами рождающейся ВГосГр, особую значимость приобретают их личные качества – СЧСоч, соответствующие новым вызовам. В отношении захваченных земель и новых пространств на первый план выходят хозяйственные навыки вождей, членов их РК-ов и назначенцев, умение разобраться в относительно новых для них природных стандартах, операциях и паттернах деятельности, создать *единое хозяйство* госцунобра из хозяйств вошедших в него ПС-ов и племён, внести коррективы в соответствующие протоинституты и собственно институты присвоения земли и избыточного продукта и собственно институты присвоения указанных институтов. Поэтому не случайно, конечно, при прочих равных условиях¹⁰, в полном соответствии с протоинститутом меритократии на должность вождя ВГосГр или *правителя* выбирается наиболее умелый хозяйственник и управленец.

Разумеется, в ПЛКлКр-ом распоряжении, владении и управлении вождей и ВГ ГФПС-ов оставались их исконные земли и львиная доля производимого на них избыточного продукта. Однако часть последнего уже должна была направляться в казну правителя ВГосГр для решения задач, сходных с теми, которые ранее решали ВГ самостоятельных ПС-ов. На *захваченные* же земли чем дальше, тем больше распространялся "режим" *лично-персонального корпоративно-кланового присвоения* (ЛПКрКл). Таким образом, вождь ГФПС-а являлся субъектом и ПЛКлКр распоряжения традиционными союзно-племенными землями, и ЛПКрКл-го распоряжения – вновь захваченными, что, с одной стороны, укрепляло его лидерские позиции во ВГ-е ПС-а, а с другой – определяло его статус во ВГосГр-е. В среднесрочном и, особенно, в долгосрочном периоде в результате взаимодействия ПЛКлКр-ой и ЛПКрКл-ой форм присвоения

¹⁰ Например, на этапе преобладания захватнических войн ключевое значение имеют не хозяйственные, а сугубо военные навыки.

земли и избыточного продукта заметно усиливалась значимость корпоративной составляющей первой и персональной составляющей последней.

Сходным образом трансформируется присвоение *иных ключевых объектов*. Так, в корпусе *общих очеловеченных СЧС* (СЧСочоб) выделяется и активно развивается новая составляющая – назовем её *государственной* (СЧСочобГ), которая "ответственна" за решение сложных задач государственного строительства. Основными субъектами присвоения этих сил является правитель и члены ВГосГр-ы, поскольку именно они выступают носителями "зародышей" и элементов указанных сил. Их трансляция на данном этапе носит преимущественно генерационный характер, хотя уже действуют школы для обучения, в том числе, и назначенцев. В любом случае, ЛПКрКл присвоение СЧСочобГ ещё не становится доминирующим в сравнении с ПЛКлКр-ым присвоением СЧСочобПС, а реальные претензии правителя ВГосГр-ы на последние весьма далеки от им желаемых. Это верно и для *иных объектов и институтов присвоения объектов*. Поначалу ЛПКрКл-ую форму присвоения "обретают" только 1) *собственно институты присвоения* захваченных земель и произведённого на них избыточного продукта; 2) необходимые для захвата, удержания земель и изъятия избыточного продукта *объекты и собственно институты насилия и редистрибуции*. Разумеется, субъектом такого ЛПКрКл-го присвоения являются правитель и члены ВГосГр-ы, в том числе, по праву "авторов" указанных собственно институтов. Собственно и протоинституты, упорядочивающие присвоение сходных перечисленным объектов в рамках ГФПС-ов, как правило, остаются объектами ПЛКлКр-го присвоения.

ПЛКлКр форма остаётся господствующей и для *институтов нравственности-морали* (ИНМ) ВГ ГФПС-ов, но "даёт сбой" в отношении созревающих ИНМ ВГосГр-ы, прежде всего собственно институтов морали (СИМ ВГосГр). Хотя непосредственным "строительным материалом" для них послужили соответствующие союзно-племенные ИНМ, должно было учесть специфику как самой ВГосГр и госцунобра в сравнении с ВГ ПС-а и ПС-ом, соответственно, так и характер отношений между ВГ ГФПС и ВГосГр-ой, с одной стороны, и родовой аристократией покоренных ПС – с другой. Императивы социального "родства" диктовали выработку иных институтов взаимодействия с аристократией, чем с низами.

Следует учитывать ещё одно немаловажное обстоятельство. В начале "жизненного цикла" госцунобра СИМ присущ преимущественно "надстроечный" характер: их ареал ограничен ВГосГр-ой и аристократией, а по степени легитимности они уступают ИНМ ПС-ов, в том числе, в силу известной неустойчивости – выборность и сменяемость правителей, которые нередко представляют разные родовые линии, отнюдь не способствуют преемственности "курса". Однако, с другой стороны, в процессе такой сменяемости СИМ неизбежно пополняются элементами, увеличивающими их (СИМ) адаптационные и экспансионистские возможности, их "отзывчивость" к общим ИНМ (ИНМоб). Иными словами, ИНМ ВГосГр-ы, как объекта ЛПКрКл присвоения, усложняются и "прагматизируются".

Одновременно осуществляется их *правовое* закрепление. В рождающихся таким образом государственных собственно институтах права (СИПГ) абсолютно доминируют собственно институты, закрепляющие верховное положение ВГосГр-ы (СИП ВГосГр). Политические же СИПГ, придающие правовой статус госцунобру как целостности и ИНМоб, являются ведомыми и неустойчивыми, что вполне отвечает "зыбкости" раннего госцунобра. Формирование и укрепление СИП ВГосГр-ы безусловно опережает "настройку по их камертону" компонентов будущей системы институтов права госцунобра, в том числе, региональных и местных.

Соперничество вождей ГФПС-ов за лидерство во ВГосГр-е выражается в "борьбе" не только союзно-племенных ИНМ, ИП, но и *институтов религии* (ИРл). Вероятно, уже в позднем крупном ПС-е начинается трансформация полидемонизма в *политеизм*. Превращение ряда привычных духов в могущественных, недоступных и поименованных богов обычно связывается, прежде всего, с утверждением социального расслоения и сакрализацией ВПС и ВГ ПС. Не без осознанной духовной деятельности жрецов и шаманов, поощряемых "светской" властью, боги подчиняют духов, оттесняя их на низшую ступень религиозной иерархии. Постепенно последняя обретает очертания земной властной иерархии. ВГосГр-а катализирует политеизацию и иерархизацию богов. Очевидно, главными становятся боги ГФПС-ов, в их подчинение попадают многочисленные региональные и местные божки и духи. Но всё это предполагает разработку и задействование новых СИРл и согласительных процедур, которые становятся объектами ЛПКрКл-го присвоения ВГосГр-ы, как их коллективного создателя и распорядителя.

ЛПКрКл-я форма власти-собственности отвечает этапу незрелых форм *конфедеративного* устройства раннего госцунобра, выборности правителя ВГосГр-ы, укреплению последней, усилению её конкурентных позиций в соперничестве с ВГ-ми ПС-ов. Такому усилению ВГосГр-а во многом "обязана" сравнительно более свободному от "груза" персоналистичности *личностному* началу. Речь идёт о его большей гибкости, адаптивности, подвижности и инновативности в сравнении с началом персональным. Однако, как свидетельствуют исторические факты, раньше или позже выборность правителя уступает позиции *наследуемости* высшей должности ВГосГр-ы. Почему? Не претендуя на полноту объяснений и в дополнение к уже сказанному в отношении значимых для раннего госцунобра причин перехода к наследуемости в племени и ПС-е, акцентируем внимание на некоторых *ограничениях* личностного начала ЛПКрКл-ой формы присвоения.

Во-первых, в генерационном смысле личностность неизбежно предполагает персоналистичность, ибо, если сын естественным образом, то есть не столько в силу своих личных качеств, сколько своего рождением детерминированного положения, наследует СЧСоч своего отца, то следует ли мириться с иным порядком присвоения земель и доходов, добытых отцом "в поте лица его"? К тому же наследуемость обрела статус базового протоинститута на союзно-племенном и племенном уровне, а ПЛКрКл-ая форма присвоения доказала свою жизнеспособность в кон-

курении с иными формами, в том числе, с ЛПКрКл-ой, разумеется, с учётом неизбежного усиления корпоративного начала.

Во-вторых, стремление к утверждению приоритета наследуемости и персональности было общим для членов ВГосГр-ы, прежде всего вождей ГФПС-ов, в силу конечной цели борьбы за лидерство. Полнота обрётённой власти и почёта в госцунобре не должна была уступать властным полномочиям и престижу "наследственного" вождя ГФПС-а.

В-третьих, мощным средством достижения заветной цели служила достигнутая избранным правителем, благодаря его личным качествам, экономическая и военная мощь, которая в резонансе с повышенной пассионарностью его самого и представляемого им этноса была призвана обеспечить усиление централизации госцунобра. Нельзя недооценивать и уже упоминавшиеся чисто технологические императивы: к примеру, единство и взаимосвязь природных стандартов Нила предполагали адекватные "сквозные", а не разделённые границами номов, технологические паттерны. Немаловажную роль играл и "активный баланс" *доходов* членов ВГосГр-ы от нового стаус-кво и их *издержек* от противостояния, в том числе, военного.

Вместе с утверждением наследуемости должности правителя ВГосГр-ы авторитет его личности побеждается авторитетом указанной должности, а ЛПКрКл-я форма власти-собственности уступает лидерство ПЛКрКл-ой форме. Смена лидерства сопровождается процессами, весьма сходными с рассмотренными ранее (Тарасевич, 2013. С. 263–266) процессами утверждения наследуемости в ПС. Так, *львиная доля вновь захваченных земель* и производимого на них избыточного продукта присваивается правителем и его *кланово-корпоративной группой* (КлКрГр)¹¹. Пополняя дворцовое хозяйство правителя, они укрепляли материальную базу *государственной собственности*, которая в рассматриваемый период представляет всего лишь *форму* ПЛКрКл-го присвоения¹². Опираясь на обрётённую таким образом дополнительную экономическую и военную мощь, правитель предъявляет претензии на значительно БОльшую часть избыточного продукта, производимого на землях ГФПС-ов и их вождей, чем это "предписывалось" ЛПКрКл-ой формой присвоения. Впрочем, этим "аппетиты" правителя и особенно его приближенных не ограничиваются в силу надежд получить во владение и управление БОльшие массивы земель и таким образом приумножить престиж и богатство.

Борьба между правителем, его КлКрГр-ой и региональной родовой аристократией, в том числе представленной во ВГосГр-е вождями, за присвоение земли и избыточного продукта в кратко- и среднесрочном

¹¹ КлКрГр представляет собой некий симбиоз родового клана правителя и группы весьма приближенных к нему неродовитых назначенцев.

¹² Изучение присвоения в период рождения и "детства" госцунобра позволяет предположить, что понятие "государственная собственность" – это некоторая синкретичная абстрактная форма, которая, в зависимости от обстоятельств, выражает разные сущностные процессы присвоения. Такими процессами на заре первых восточных госцунобров были ЛПКрКл-ое и ПЛКрКл-ое присвоение. Следует подчеркнуть, что и то, и другое вполне соответствуют весьма и весьма косвенному представителю ВГосГр-ой интересов госцунобра в целом и общих для верхов и низов.

периоде идёт с переменным успехом. В длительном периоде их силы известным образом уравниваются, и перераспределение земли и избыточного продукта между ПЛКрКл-ой и ПЛКлКр-ой (характерной для ПС) формами власти-собственности достигает состояния, которое в основном отвечает *синархии незрелых форм федеративного государственного устройства*¹³.

Если ЛПКрКл присвоение *СЧСочГ* предполагало их известный динамизм – "миграцию" между ведущими родовыми линиями, сменяющимися друг друга на вершине властной иерархии, то в условиях ЛПКрКл присвоения возрастает степень "закрытости" *СЧСочГ*. По примеру жрецов правитель оберегает секреты государственных знаний, умений и навыков даже от родственников, а его поучения и напутствия наследнику отнюдь "не расходятся массовым тиражом". Родственников, утвержденных и назначенцев дозволяется обучать только тому корпусу знаний и умений, который необходим для выполнения возложенных на них функциональных обязанностей. Разглашение управленческих знаний и тайн не допускалось, а обо всех "know how" предписывалось сообщать либо самому правителю, либо уполномоченным на то должностным лицам. Поскольку, по всей вероятности, именно в рассматриваемый период *завершается выделение контрольно-надзорной деятельности* из управленческой, постольку объектом "слежения" становится не только ведение региональных и местных "отделений" дворцового хозяйства, порядок и объёмы изъятия в казну избыточного продукта, но и владение и использование *СЧСочГ*. Чем не предтоталитарная система?

Усиление экономической и военной мощи правителя, активно прогрессирующая по его инициативе монополизация распоряжения *СЧСочГ* позволяют ему всё чаще сводить согласительные процедуры ВГосГр-ы к совещательным и оставлять за собой принятие ключевых решений, в том числе в части творения и легитимации *собственно институтов*, трансформации *протоинститутов*, а также их *присвоения* вкуче с соответствующими объектами. Так, хотя *военная дружина* правителя, как правило, была уже мощнее дружины любого из высших родовых аристократов (некогда вождей ГФПС-ов), она всё же уступала совокупной мощи подобных дружин и была неспособна без их содействия вести успешные захватнические войны и противостоять агрессору. Тем не менее в большинстве случаев правителю удавалось инициировать и закреплять институционально такие согласительные процедуры, которые способствовали постепенной *монополизации им применения военной силы* сначала во внешних сношениях, а затем и в самом госцунобре.

Не исключено, что в этот период институциональный порядок *редистрибуции* избыточного продукта ещё предусматривал характерное для ЛПКрКл-ой формы власти-собственности исключительное право регионального лидера на сбор и концентрацию в своих руках всего объёма ренты-налога с низов с последующей отправкой его определённой части в казну правителя. Однако более вероятным представляется иной порядок: либо указанный процесс контролировали назначенцы правителя, ли-

¹³ Незрелых в сравнении с современными формами.

бо они самостоятельно взимали с плательщиков заранее установленную "казённую" долю ренты-налога. В любом случае ПЛКрКл-е распоряжение объектами и институтами насилия и редистрибуции постепенно концентрировалось в руках правителя госцунобра.

Наследуемость высшей должности во ВГосГр-е придаёт значительно большую устойчивость *ИНМ верхов* (ИНМв) и отвечающих им *СИМв*. Однако она отнюдь не статична. *Во-первых*, при активном участии правителя сложившаяся ранее гетерархия ИНМв и СИМв трансформируется в *синархию* с чётко выраженными нормами его сакрализации и главенства в ряду высших аристократов. *Во-вторых*, указанные институты выходят за узкие для них границы ВГосГр-ы с тем, чтобы получить убедительную легитимацию, в том числе для низов, и послужить тем нравственно-моральным "камertonом", по которому будут "настроены" и общие (будущие общечеловеческие) ИНМ, и специфические ИНМ разных этнических и социальных групп. *В-третьих*, вместе с интенсивным продуцированием СИМ не только для верхов, но и для низов, предпринимаются усилия по переводу СИМ в разряд протоинститутов II рода, то есть тех традиций, которые легитимны по определению.

Новое "дыхание" получают *институты права*. Наследуемость способствует не просто преемственности законотворчества. Предпринимаются первые попытки кодификации права, сопряжения и увязки в единую систему "писаного" правителем и обычного права, в правовом порядке закрепляется статус правителя, аристократии, полноправных и неполноправных. По всей видимости, утверждение ПЛКрКл-го присвоения таким образом упорядоченных СИПГ уже предполагает разработку соответствующих *собственно институтов творения* СИПГ – специальных норм, правил, процедур и т.п. Разумеется, изначально они становились объектом ПЛКрКл-го распоряжения правителя, что позволяло ему решающим образом влиять на содержание продуцируемых СИПГ.

В рассматриваемый период "федерализации" госцунобра светская и религиозная ветви ВГосГр-ы ещё не обнаруживают явных претензий на полную и безоговорочную власть. Доминирует их взаимодействие в утверждении вертикалей светской и религиозной власти. Приближая статус правителя к божественному, жрецы заручаются его экономической, военной и "административной" поддержкой в выстраивании иерархии богов, божков и духов во главе с тем богом, которому, как главному, поклоняется правитель и его КлКр-ая группа. Если такие совместные усилия и не увенчиваются полным успехом, то, во всяком случае, они оказываются небезрезультатными: постепенно институционализирующейся и укрепляющейся светской иерархии власти соответствует утверждающаяся иерархия богов и жрецов.

История свидетельствует о двух основных путях превращения федеративного госцунобра в *унитарный* и *деспотический*. *Первый* – его естественная эволюция, прежде всего эндогенно детерминированная с адекватными ответами экзогенным влияниям. *Второй* – как следствие силового захвата и подчинения. Осуществляемый в настоящей главе вариант абстрактной *логико-исторической реконструкции* институцио-

нальной эволюции первых цивилизаций предполагает акцент на анализе первого пути.

Стремление правителя к *абсолютной власти* оправдывалось не столько опытом прямой зависимости военных успехов от степени централизации управления войском, чёткости и согласованности действий всех "механизмов" военной машины, сколько соображениями престижа, величия, подчинения своей воле всех окружающих, умножения доходов и богатства. Этот перечень может быть продолжен. Здесь важно подчеркнуть, что *стремление к власти ради неё самой* правитель "наследует" от своих предшественников – вождей племён и ПС-ов. В связи с этим одна из его главных целей – *верховная собственность на землю*, распространение статуса дворцовых или собственно государственных земель на *все земли* госцунобра. Для её реализации, в зависимости от обстоятельств, используются разные способы: прямой захват родовых владений и уничтожение родовой линии, разукрупнение родовых владений путём изменения порядка наследования, переход от родового к *административно-территориальному* делению госцунобра, упразднение условных владений, если таковые имелись, всех титулов и привилегий, согласительные процедуры и т.д. Принципиальное значение имеет фактическое уравнивание в правах аристократов и неродовитых назначенцев: все становятся не имеющими собственности на землю государевыми слугами, которые содержатся за счёт казны. Из общинников, ремесленников и торговцев формируются рабочие отряды для выполнения земельных, ирригационных, строительных и других работ. Нередко государственными (в распоряжении правителя) становятся даже орудия труда.

Средства и институты *насилия* и *редистрибуции* монополизируются правителем. Он и только он принимает решение в отношении применения военной силы. Весь избыточный продукт, а нередко и часть необходимого – изымается в казну. В полном соответствии с указанными действиями правитель и его КлКрГ-а предпринимают усилия по модификации ИНМ и СИМ и верхов, и низов. Главное "нововведение" – абсолютная сакрализация правителя, он объявляется либо сыном, либо наместником бога, либо самим богом. В последнем случае правителю должны подчиняться не только простые смертные, но сами боги и духи. Поэтому не удивительна концентрация в руках правителя всей законодательной, судебной и исполнительной власти. Синархические связи элементов госцунобра замещаются жёсткими *иерархическими*, а ПЛКрКл-ая форма власти-собственности – *персонально-корпоративной кланово-личной* формой (ПКрКлЛ).

В ПКрКлЛ присвоении *клановый* и *личный* компоненты являются если и не маргинальными, то, во всяком случае, весьма ограниченными и ведомыми. Они по-настоящему значимы только в смысле влияния ближайших родственников правителя на его решения и действия, во всей же властной иерархии они детерминированы корпоративным и персональным компонентами присвоения. Наряду и в связи с этим для ПКрКлЛ присвоения характерны: *во-первых*, концентрация всех основных подэлементов *распоряжения* в руках правителя. Вспомогательные подэлементы

могут делегироваться членам КлКрГ-ы, но при условии строжайшего контроля; *во-вторых*, "усечённость" *владения*: чиновники-назначенцы уполномочены определять порядок хозяйственного использования объектов, но только в обозначенных центром рамках и без права распоряжения продуктом и доходами; *в-третьих*, доминирование *контрольно-надзорных функций* над собственно управленческими; *в-четвёртых*, максимальная централизация избыточного и части необходимого продукта, а также институциональной деятельности в широком смысле и её результатов (собственно институтов и трансформированных протоинститутов) с последующим распределением, перераспределением, вменением, трансляцией, навязыванием и т.д. ПКрКлЛ форма власти-собственности в лице её субъектов во главе с правителем претендует на статус единственной субстанции государственной формы собственности, полную универсальность, а потому осуществляет бесцеремонную экспансию на объекты всех сосуществующих с ней форм присвоения, вытесняет их, нередко – в ущерб эффективности последнего. Перечисленным она и сильна, и слаба. О чём идёт речь?

ПКрКлЛ форма власти-собственности – "плоть от плоти и кровь от крови" институциональной универсумики деспотического госцунобра. *С одной стороны*, последняя позволяет канализировать пассионарную и общественную энергию, концентрировать громадные ресурсы и таким образом добиваться, по традиционным меркам, невозможного, например, превращения обычного госцунобра в *империю*¹⁴. *С другой стороны*, предельно жёсткая централизация, как правило, сопровождается углублением разрыва между продуцируемыми центром СИПГ и многочисленными протоинститутами; нарастанием неадекватности формализации неформальных норм и интенсификации деформализации формальных норм¹⁵; гипертрофией привилегий и доходов КлКрГр-ы правителя; блокировкой горизонтальных институциональных взаимодействий. Это приводит к увеличению удельного веса теневой составляющей институциональной универсумики, представленной как официально запрещёнными или "ограниченными в правах" протоинститутами, так и теневыми, альтернативными и оппозиционными, собственно институтами, творцами которых могут выступать представители и аристократии, и низов. В известной мере смягчая жёсткость деспотического порядка, теневые институты не устраняют присущие ему острые противоречия. При прочих равных условиях, менее жёсткой деспотии история отводит больше жизненного времени, чем более жёсткой, но "долгожителями" они не становятся.

Как это ни покажется парадоксальным, но именно в силу поступательности институциональной эволюции деспотия, венчая пик централизации госцунобра, даёт старт *нисходящей ветви* цикла централизации-

¹⁴ Имперское универсумное образование требует специального рассмотрения. Здесь лишь заметим, что, в отличие от обычного государства, как *моноцивилизационного* уобра, имперское государство, как правило, *полицивилизационно*, то есть объединяет цивилизационно различные уобры, а также венчает сверхсложный *суперэтнос*.

¹⁵ Здесь для удобства изложения собственно институты отождествляются с формальными нормами, а протоинституты – с неформальными.

децентрализации. Имеются в виду, прежде всего, изменения базовых характеристик присвоения в условиях спада пассионарной и общественной энергии, новых шагов разделения деятельности, а также роста значимости товарно-денежных и рыночных отношений как своеобразного "компенсатора" ограничиваемых властной иерархией традиционных горизонтальных связей. *Во-первых*, ощущая своё могущество как исключительное и недостижимое, правитель награждает наиболее преданных и полезных членов КрКлГр-ы – ближайших родственников, военачальников, высших чиновников, передавая им в *условное владение* (держание) часть вновь завоеванных и/или государственных (дворцовых) земель. На первых порах условные владения были эксклюзивными и ненаследуемыми, но затем, с расширением имперского пространства, они становятся многочисленными, а некоторые – *наследуемыми*. Формально правитель остаётся их *верховным собственником*, но реально он лишается некоторых подэлементов распоряжения, владелец получает право присвоения *значительной* доли избыточного продукта, часть которого используется в качестве даров, подношений правителю, его окружению, контролёрам-надсмотрщикам в надежде на ответную благосклонность. В итоге нередко объёмы поступлений в казну с этих земель снижаются.

Во-вторых, немаловажную роль в указанных трансформациях играют *личные* качества (СЧСоч) награждаемых. В условиях жёсткого персонально-корпоративного порядка им удаётся либо вернуть свой аристократический статус, либо, в случае неродовитых назначенцев, основать новую аристократическую линию. Таким образом, прежде всего на региональном уровне, начинает возрождаться *клановое* начало присвоения. Очевидно, ему уже не суждено стать *абсолютно* господствующим, ибо само его существование и развитие невозможно вне взаимодействия с началом корпоративным – без услуг неродовитых назначенцев уже не обойтись ни старой, ни новой аристократии. Но оно способно на возвращение и удержание доминирования.

В-третьих, развитие ремесла в городах и дворцовых хозяйствах, а также внутренней и внешней торговли¹⁶ способствует развитию *частного* присвоения и его инкорпорированию в "тело" власти-собственности. *С одной стороны*, хотя властный контроль над новыми (относительно дистанцированными от дворцового и общинного хозяйства) торговцами и ремесленниками – собственниками соответствующих орудий труда – оказывается несколько мягче, чем в отношении "государевого" ремесленничества и купечества, они вынуждены под страхом разорения и расправы следовать многочисленным властным предписаниям, а львиную долю своих доходов направлять в казну и карманы чиновников. Иными словами, такое весьма ограниченное частное присвоение может существовать лишь в "порах" власти-собственности. *С другой стороны*, активизируется *конвертация* личного присвоения "прорыночных" СЧСоч некоторых ари-

¹⁶ При прочих равных условиях, объёмы внешней торговли прямо пропорциональны протяженности границ госцунобра. Катализирующее же воздействие внешней торговли на внутреннюю хорошо известно, в том числе, и в части роста числа купцов, менее ассимилированных аристократическими хозяйствами.

стократов и неродовитых назначенцев, как правило, членов ВГосГр-ы и властных региональных и местных групп (ВРГр и ВМГр, соответственно) в элементы частного присвоения объектов. Для рассматриваемого периода наиболее характерны *два направления* такой конвертации.

Первое направление связано с расширением условных владений за счёт земель разорившихся и/или разорённых *общинников*. Хотя официально купля-продажа земли запрещалась, и аристократам, и чиновникам, как правило, удавалось изобретать соответствующий легально-нелегальный институциональный механизм и, на правах собственника "изобретения", применять его для расширения своих земельных владений. К обработке новых земель, как правило, начинают привлекаться общинники, в том числе разорённые, на правах долгового рабства и зарождающейся аренды. Разумеется, практически весь избыточный продукт с этих земель присваивался "условным владельцем", а не поступал в казну.

Второе направление конвертации непосредственно связано с первым. Речь идёт о приобретении за дополнительные доходы рабов, домов, ремесленных мастерских, ломбардов, торговых "предприятий". Наиболее влиятельные аристократы начинали обзаводиться арсеналами оружия. Очевидно, перечисленные объекты присваиваются указанными субъектами в частном порядке, но лишь постольку, поскольку эти последние являются персонами соответствующих властных корпоративно-клановых групп. Потеря такого персонального статуса практически неизбежно сопровождалась потерей указанных доходов и объектов присвоения.

Используя свои позиции во ВГосГр-е, старая региональная аристократия начинает возрождать и легализовать *клановые* институты, адаптируя их к новым условиям и придавая им "мезоуровневый" характер – особый региональный "колорит". Новые аристократы заимствуют клановые институты у старой аристократии, в том числе, центральной. И старая, и новая аристократия активно использует продуцируемые центром СИПГ для формирования относительно обособленной региональной собственно институциональной среды. Наряду с легальными "расцветают" и теневые институты. Так, в жёстко иерархических механизмах и институтах редиистрибуции теневая составляющая становится объектом преимущественно частного присвоения, включённого, конечно, в персонально-личные корпоративно-клановые "сети", что обеспечивает собственникам указанной составляющей немалые теневые доходы. Подобным образом преимущественно теневыми являются и формируемые для оправдания и катализации девиантной деятельности специфические ИНМ. Региональная знать начинает активно использовать легальные и нелегальные способы повышения статуса региональных богов, тесно увязывая своё собственное укрепление с их высшей волей.

Таким образом, и на центральном, и на региональном уровне госцунобра наряду с мощным персональным, активизировавшимся личным, господствующим корпоративным и возрождающимся клановым началами власти-собственности в ней появляется и развивается частное начало. Возникающая и развивающаяся *персонально-лично-частная корпоративно-клановая (ПЛЧКрКл)* форма власти-собственности соответству-

ет возрождению и экспансии синархических связей и федерализации госцунобра¹⁷. В тоже время его региональные административно-территориальные (федеральные) единицы постепенно обретают фрактальные характеристики.

Следствием саморазвития обозначенных выше процессов стали не только определённый баланс иерархии и синархии, утверждение доминант *федерального* устройства госцунобра на достаточно длительный период, но и "точек роста" гетерархизации и конфедерализации. Разумеется, речь идёт прежде всего об институциональном закреплении наследуемости условных владений. Но это – только начало. В *длительном* периоде главы ВРГр, *во-первых*, фактически становятся их распорядителями, хотя формально этот статус может сохраняться за правителем; *во-вторых*, в той или иной форме, тем или иным способом захватывают расположенные в регионах земли государственного хозяйства; *в-третьих*, постепенно перебирают на себя функции верховного собственника всех земель региона; *в-четвёртых*, концентрируют в своих руках львиную долю избыточного продукта, производимого на родовых, а затем и иных землях, а также ремесленниками и торговцами. Не менее завидны "аппетиты" глав ВРГр в отношении необходимого продукта – чего не сделаешь для обогащения при попустительстве центральной власти. Поэтому не случайно резко возрастает количество разорённых общинников, их земли фактически становятся объектами частного присвоения главы и членов ВРГр. Расцветают долговое рабство, бродяжничество, преступность, а поток доходов в казну правителя практически иссякает.

Разумеется, перечисленное было бы невозможно без опережающе-параллельного присвоения главой ВРГр-ы институтов присвоения земли, а также механизмов и институтов насилия и редистрибуции. Концентрация доходов, не уступающих по величине доходам казны правителя, позволяет главе ВРГр-ы перейти в "диалоге" с ним от раболепия, даров, подношений и т.п. к скрытому, а затем и к открытому противостоянию. Оно оказывается тем более действенным, если объединяются усилия двух и более глав ВРГрупп.

Вместе с потерей монополии на применение военной силы правитель и ВГосГр-а утрачивает статус единого центра институтотворчества. Главы регионов и ВРГр-ы, в конечном итоге, добиваются реального доминирования мезоинститутов над макроинститутами, активно продуцируя соответствующие собственно институты, заимствуя и адаптируя ИНМв и СИПГ, трансформируя протоинституты, в том числе, II рода. Одна из главных целей такой "перестройки" – "конкурентоспособная" сакрализация главы ВРГр-ы. Например, он может провозглашаться ставленником главного бога, первым наместником правителя, а региональные боги – предками или потомками главного бога. Возможна и смена иерархии богов. Но не только поэтому клановая составляющая властных групп замет-

¹⁷ Здесь не рассматриваются особенности сосуществования и взаимодействия ПЛЧКрКл-ой и ПКрКлЛ-ой форм присвоения, в том числе экспансии первой на объекты последней. Проблематика сосуществования (взаимопроникновения, конкуренции, гетерофобии и т.п.) различных властно-собственнических субстанций государственной формы собственности требует специальных исследований.

но теснит собственно корпоративную. Последняя в значительной мере утрачивает качества надёжности и устойчивости в условиях расцвета купли должностей и титулов ремесленниками и торговцами, всеобщей аристократической и чиновничьей жажды частного обогащения, а также перехода назначенцев центра "под руку" более щедрых глав ВРГр. Усиление родового начала власти может выражаться и в отказе от административно-территориального деления "под лозунгом" возврата и умножения исконных земель и богатств предков.

По всей вероятности, описанным процессам вполне отвечает переход от ПЛЧКрКл-ой к *персонально-лично-частной кланово-корпоративной (ПЛЧКлКр)* форме власти-собственности и утверждение последней в качестве господствующей для властных групп и центра, и регионов. Однако, в отличие от ПЛЧКрКл-ой формы, её реальными ключевыми субъектами становятся главы регионов, объекты присвоения которых умножаются вместе с оскудением богатств правителя. Как свидетельствует история, на определённом этапе *централизации регионов* (превращение их в независимые от центра унобры с чётко выраженными признаками государственности) и *регионализации центра*, когда реальная власть правителя ограничивается его родовыми владениями, противостояние регионов с центром уступает "приоритеты" противостоянию потенциально государствообразующих регионов, в которых могут доминировать весьма различные формы ВС. Непрерывные междоусобицы делают пространство цунобра весьма лёгкой "добычей" для более могущественных соседей.

Если ведущий этнос распавшегося в результате внешней агрессии более молодых этносов госцунобра находится на "излёте" инерционной фазы или в фазе обскурации, последний надолго теряет свою независимость, ассимилируется иным госцунобром в качестве периферии с соответствующим делением на ряд региональных единиц. Если соседние этносы имеют более "почтенный" возраст, чем этнос распавшегося госцунобра, и если он (этнос) преодолевает пассионарный спад, вступая в инерционную фазу, то его пассионарная и общественная энергия вполне достаточна для выхода на траекторию централизации цивилизационного цикла. Но наличие такой энергии является всего лишь *необходимым* условием централизации. *Достаточные* условия связаны с соответствующей канализацией и преобразованием указанной энергии, эффективной (в этом отношении) экономической, социальной, духовной и политической деятельностью, возрождением соответствующей институциональной архитектоники и государственной организации.

Если необходимые и достаточные условия выполняются, то цикл централизации-децентрализации повторяется, а его этапы и характеристики оказываются весьма близкими к описанным выше. Но, повторяя пройденное, каждый новый цикл отличается вполне определёнными элементами *поступательного* развития, которое, образно выражаясь, пробиивает себе дорогу через дебри тёмных веков и утомлённые солнцем вершины успехов.

Усложнение и разделение деятельности умножает количество её орудий, процессов и результатов, которым адекватно *частное* присвое-

ние. Последнее достаточно успешно *инкорпорируется* практически во все рассмотренные выше формы присвоения, постепенно и медленно подрывая их изнутри и "перекраивая" на свой лад. Правда, "успехи" эти ещё очень скромны, так же как и достижения в независимом от власти-собственности развитии.

Наличие частной компоненты значительно усложняет и господствующие формы властного присвоения, и *взаимосвязи* между ними. В частности, не только личный, но и персональный, корпоративный и клановый компоненты власти-собственности демонстрируют способности *конвертации* в частное присвоение. Последнее, в свою очередь, в условиях централизации и, в особенности, деспотии подвергается активной трансформации во властное присвоение. Речь идёт о вполне определённых исторических формах приватизации и национализации соответственно. Специфика последней определяется, *во-первых*, возвращением земель разорённым общинникам, ограничением долгового рабства, освоением целинных земель, отказом от рабочих отрядов и поощрением аренды, что существенно умножает доходы казны правителя; *во-вторых*, "аристократизацией" значительной части этих доходов – их присвоением ВГосГр-ой.

Развитию частнособственнических начал отвечает рост *товарности* государственного, вельможных (аристократических) и общинных хозяйств. Разумеется, натуральный характер последних остаётся доминирующим, но катализируемый товарным производством эквивалентный *рыночный* обмен явно контрастирует с редистрибуцией. Впрочем, их взаимодействие порождает редистрибутизацию рыночного механизма и маркетизацию – редистрибутивного. В дальнейшем этот пункт будет рассмотрен подробнее.

Рост материального богатства госцунобра сопровождается развитием *духовной культуры* в широком смысле. В её памятниках, которые поражают своей величественностью, мудростью и великолепием, определена часть огромной пассионарной энергии, затраченная стареющим этносом за годы юности и зрелости. Поэтому не случайно для менее культурных завоевателей язык, письменность, боги и многие традиции покорённых зачастую становятся родными.

Устойчивая преемственность характерна и для *государственного, институционального* строительства. Даже если в результате восстания доведённых до отчаяния низов правителем становится простолюдин, на месте разрушенной государственной машины возникает практически идентичная. На первых порах она может решать задачи, весьма отличные от прежних. Но в длительном периоде и характер задач, и способы их решения, как правило, повторяют пройденное, конечно, с "поправкой" на новые вызовы. Это верно и для периодической конвертации и объединения высшей светской и высшей религиозной власти, когда правитель объявляется верховным жрецом, или верховный жрец становится правителем.

От цикла к циклу усложняется *социальная стратификация*, но социальные "лифты" остаются практически неподвижными, ускоряясь

только в периоды общественных катаклизмов. В эти же периоды активизируется негосударственная жизнедеятельность, гражданское общество получает "передышку" от государственного "пресса". Укрепляющемуся впоследствии государству, даже деспотическому, не удаётся маргинализировать гражданское общество. Оно переходит на нелегальное положение. Личные боги, само- и микроинституты, профессиональные, дружеские связи и т.п. не исчезают, а развиваются, но преимущественно в тени Левиафана. Именно его роль в обмене СЧС является определяющей. Этой проблематике посвящена следующая статья.

Литература

- Борзунов В.Ф.* (2001) Восточное гражданское общество // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век: материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15–16 мая 2001 г. / под ред. Ю.В. Яковца. Москва: МФК. С. 102–109.
- Васильев Л.С.* (1998) История Востока: в 2 т. Москва: Высшая школа. Т. 2. С. 118.
- Гринин Л.Е.* (2002) Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации. *Философия и общество*. № 3. С. 31.
- Ленин В.И.* (1974) Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 33.
- Маркс К., Энгельс Ф.* (1955) Сочинения. 2-е изд. Т. 1.
- Мартыненко В.В.* (2011) Государство и гражданское общество – дихотомия или единство? *Вопросы философии*. № 10. С. 20–25.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* (1991) Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник. С. 145.
- Родлов Э.Л. (ред.)* (1911) Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии. Санкт-Петербург: Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон. С. 64.
- Тарасевич В.Н.* (2013) Экономико-теоретическое знание: универсальные императивы, гипотезы, опыты. Москва: ТЕИС. С. 239–296.
- Философский энциклопедический словарь (1989). Москва: Советская энциклопедия.

Поступление в редакцию 11.12.2017

THE POWER-PROPERTY AND STATE AT THE EPOCH OF THE FIRST CIVILIZATIONS

Viktor Tarasevich

Author affiliation: Doctor of Economics, Professor, Chair of Department of Political Economy National Metallurgic Academy of Ukraine (Dnipro). E-mail: viktarsevich@gmail.com

The article deals with the interaction of power-property and state at the epoch age of the first civilizations. In a broad sense, the state can be represented either as a specially organized society or as a civil society. However, the latter emerges and evolves as a sphere of non-state life of the state's citizens. Different research contexts and accents can be dominated by different narrow senses of the state.

Thus, in a political, social and economic sense, the state is a special organization representing the society as a whole, its needs and interests, including economic ones, which ensures coordination of the interests of various social strata (groups) and/or economic entities, and protects interests, above all, of the most influential social layer (group) and/or economic entity.

From the institutional point of view, the state is a system of its own institutions, designed to streamline the life of the society and its various components, as well as the formation of the institutions as such. In other contexts or perspectives, the state can be treated as a special entity to enforce power and violence; a group of professional politicians and managers representing the society and its main social strata (groups); the main political formation of the country, etc.

In each of the contexts, the state is "inseparable" with power-property, since the conception and emergence of the former occurs under the conditions of the domination of the latter, and the latter bequeaths to the former its first basic invariants that are inherent to any state, regardless of the place and time of its existence. The study of appropriation in the period of state formation proves that state property is merely a form of the basic types of power-ownership appropriation of key items. The author shows the cyclic co-evolution of the aforementioned types of appropriation and the adequate to them forms of state system at the epoch of the first Eastern civilizations.

Key words: power-poverty, state, forms of the power-poverty appropriation, confederation, federation, despotism, proto-institutions, institutions as such.

JEL: B110.

References

- Borzunov, V.F. (2001). The Eastern civil society. *Dialog i vzaimodeystvie tsivilizatsiy Vostoka i Zapada alternative na XXI vek (materiali k IV Mezhdunarodnoy Kondratevskoy konferentsii. Moskva, 15-16 maya 2001) – Dialogue and interaction of the civilizations of the East and West: alternatives for the 21st century (materials for the IV International Kondratieff Conference. Moscow, May 15-16, 2001)*, 102–109. Moscow: MFK [in Russian].
- Vasilev, L.S. (1998). The history of the East, in two volumes, 118. Moscow: Vysshaja shkola [in Russian].
- Grinin, L.E. (2002). Genesis of the state as an integral part of the process of transition from primitiveness to civilization. *Filosofia i obshchestvo – Philosophy and Society*, 3, 31 [in Russian].
- Lenin, V.I. (1974). Complete works, 2nd ed. [in Russian].
- Marx, K., Engels, F. (1955). Selected works, 1st, 2nd eds. [in Russian].
- Martynenko, V.V. (2011) Is the state and civil society a dichotomy or unity? *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 10, 20-25 [in Russian].
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1991). Interpretative dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik [in Russian].
- Rodlov, E.L. (Ed.) (1911). Philosophical dictionary of logic, psychology, ethics, aesthetics and the history of philosophy. St. Petersburg: Type. acc. Society. Brockhaus-Efron [in Russian].
- Tarasevich, V.N. (2013). Economic-theoretical knowledge: universum urgent requests, hypothesis, experiments. Moscow: TEIS [in Russian].
- The philosophical encyclopaedical dictionary (1989). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya [in Russian].